

Література

1. Положення про загальні збори громадян за місцем проживання в Україні, затверджене Постановою Верховної Ради України від 17 грудня 1993 року // Відомості Верховної Ради України. – 1994. – № 6. – Ст. 30.

Анотація

Орловський О. С. Нові підходи до оцінки нормативних актів (на матеріалах загальних зборів громадян за місцем проживання). – Стаття.

Стаття присвячена прикладам застосування таких статистичних показників, як середнє арифметичне, мода й медіана, а також графічних зображень під час оцінки змісту нормативних актів. Такий підхід дозволяє більш ґрунтовно здійснювати аналіз текстів нормативно-правових актів та сформулювати висновки щодо ефективності їхніх норм. Можливості, які надає статистичний метод, демонструються на прикладі дослідження Положення про загальні збори громадян за місцем проживання в Україні. Подібний аналіз із конституційно-правової точки зору здійснюється вперше.

Ключові слова: загальні збори за місцем проживання, статистичний метод, середнє арифметичне, мода, медіана.

Аннотация

Орловский А. С. Новые подходы к оценке нормативных актов (на материалах общих собраний граждан по месту жительства). – Стаття.

Стаття посвящена примерам применения таких статистических показателей, как среднее арифметическое, мода и медиана, и графических изображений при оценке содержания нормативных актов. Такой подход позволяет более емко осуществлять анализ текстов нормативно-правовых актов и формулировать выводы относительно эффективности их норм. Возможности, которые предоставляет статистический метод, демонстрируются на примере исследования Положения об общих собраниях граждан по месту жительства в Украине. Подобный анализ с конституционно-правовой точки зрения осуществляется впервые.

Ключевые слова: общее собрание по месту жительства, статистический метод, среднее арифметическое, мода, медиана.

Summary

Orlovsky O. S. New approaches to the assessment of regulations (based on the local meetings' legislation). – Article.

Article is dedicated to the examples of application of such statistical indicators as arithmetic mean, median and mode, and graphics in the evaluation of the legal regulations. This approach allows to provide more capacious and clearly analysis of regulations and to formulate opinions about their effectiveness. Opportunities given by the statistical method are demonstrated on the materials of the local meetings. Such an analysis is given for the first time in the Ukrainian constitutional doctrine.

Key words: local meeting, statistical method, arithmetic mean, mode, median.

УДК 340.12:141.311.653

А. В. Калмазан

СРЕДНЕВЕКОВЫЕ СМЫСЛЫ ТЕРМИНА «КОНЦЕПТ» И СОВРЕМЕННАЯ ФИЛОСОФИЯ ПРАВА

Новым аспектом рассмотрения таких категорий философии права, как «справедливость», «свобода», «равенство», «порядок» и многих других, является их понимание как концептов права и как концептов культуры, что позволяет в свою очередь увидеть взаимодействие правовых смыслов этих терминов с соответствующими глубинными смыслами общекультурной коммуникации [1, с. 69].

В философии права термин «концепт» пока применяется сдержанно, в связке с «понятием», «категорией», «принципом». Единства в их употреблении нет: одни

считают концепт особым видом понятия, другие – почти противопоставляют понятию. Иногда «концепт» не отличим от «категории» и «принципа». Что такое «концепты права» в контексте современной философии права? Как они соотносятся с «концептами культуры» и с принципами права? Ответ на эти вопросы предполагает уточнение смысла термина «концепт». Одним из известных способов такого уточнения является обращение к истории возникновения, формирования и развития термина. Ведь современное понимание термина «концепт» сложилось не стихийно, это вполне закономерный результат многовековой эволюции определенного аспекта человеческого сознания.

В связи с этим мы сделаем экскурс в историю философской мысли, который можно было бы назвать наброском к философскому «портрету» концепта, вернее, поиском той его основы, о которой писал Боэций в своих «Комментариях к Порфирию»: «С философией связано наивысочайшее благо для человеческой души; и подобно тому, как ткач, собираясь выткать узорчатую полосу, натягивает вначале одну основную нить, так же точно и ткань философских рассуждений нужно начинать с основы» [2, с. 5].

Задачей настоящей статьи является анализ средневекового этапа формирования термина «концепт». Почему именно этого этапа? Во-первых, потому что само возникновение термина связано со средневековой философией. Во-вторых, потому что в средние века были заложены все основные элементы смысла этого термина, которые стали активизироваться в современных гуманитарных исследованиях. В-третьих, и это главное, именно у средневековых авторов появились те варианты смысла термина «концепт», которые, на наш взгляд, весьма эвристичны для современной юриспруденции, для анализа оснований ее категориального базиса, тем более для философии права. Средневековая практика употребления термина «концепт» связана в первую очередь с именами Боэция, П. Абеляра, Г. Порретанского, Ф. Аквинского, Д. Скота и У. Оккама.

Средневековая философия была тесно сопряжена с теологией, а ее проблематика основывалась на бытийном отношении Бог – человек. А. Августин в трактате «О граде Божием» считал, что философ, мудрец, богослов, пророк, учитель этики являются одной фигурой. Философ эпохи средневековья, так же как и теолог, в своих размышлениях обращался к изначально Божественному смыслу бытия, строил диалоги и на свои вопросы искал ответы в заповедях веры. Однако при этом у философии были свои, отличные от религии, функции, связанные с основным ее свойством – сомнением (в истинности вероисповедных догматов) и со свойствами разума, призванного в конечном счете эти сомнения побеждать и причащаться к высшей истине.

По мнению Н.Ф. Алефиренко, возникновение «концепта» в эпоху средневековья не случайно, его появление было вызвано необходимостью введения «емкого» по смысловому содержанию термина, который концентрировал бы в себе смысл целого высказывания. «Идея понимания, на которую была ориентирована средневековая мысль, не могла быть развернута в линейной последовательности рассуждения, единицей которого было предложение. Она требовала полноты смыслового выражения в целостном процессе произнесения. Высказывание стало единицей

речевого общения. Речь была охарактеризована как сущность, обладающая субъектностью, смыслоразделительной функцией и смысловым единством. Она находилась в тесной связи с идеей творения и интенции, присущей субъекту как его активное начало и полагавшей акт обозначения и его результат – значение внутри обозначаемого» [3, с. 105].

С другой стороны, средневековое философствование, кроме того, – это размышление, выявляющее возможности слова.

«Средневековое слово претерпело двойное преобразование: воплощение (Божественного слова) и развоплощение (при направленности слова от человека к Богу). Слово было наивысшей реальностью именно в силу его существования в двух модулях. Мир мыслился существующим потому, что было сказано, что он существует. Сказание вело к существованию, но при этом любое сотворенное существо, оставаясь Причащенным Творцу, не могло быть пассивным: вещь начинала вещать о себе, иной вещи средневековье не знало. Любая вещь в силу акта творения Богом – верховным субъектом была субъектной и соответственно личностной» [4, с. 3].

В связи с идеей воплощения Слова возрастает роль зрения и слуха, которые становятся важнейшими органами чувств, посредством которых формируется «в душе» слушателя смысл высказанного, видение же как умозрение становится условием философствования [4, с. 4].

В этих выводах современного философа В.Д. Губина прослеживаются две фундаментальные черты формирования термина «концепт» в средние века: его межсубъектный, коммуникативный характер (фундаментальной коммуникацией при этом является общение человека с Богом) и его принципиальная двойственность: Слово Бога воплощается в человеке, в сотворенном мире, а слова (речи) человека – развоплощение, своего рода угадывание, всегда частичное, несовершенное постижение божественного смысла, сравнимого с абсолютными платоновскими идеями.

Таким образом, второе направление формирования понимания концепта связано со смыслом отдельного слова как его особым употреблением. Большинство средневековых и современных исследователей не обратили внимание на введение нового термина для обозначения смысла целого высказывания, отрезка речи, и это объясняет, почему в большинстве философских словарей и энциклопедий концепт отождествляется с понятием.

Однако уже в средневековье сами авторы термина «концепт» четко различали «понятие» и «концепт», подразумевая под последним акты «схватывания» идеи вещи в уме субъекта, которые выражаются в высказанной речи и при этом предполагают наличие другого субъекта. Таким образом, в том, что одни авторы связывают концепт с высказыванием, а другие – с отдельным словом, нет никакого противоречия. Здесь выявляется процесс изменения смысла отдельного слова под влиянием тех смыслов целых высказываний, которые уже включены в опыт человеческого познания и общения.

В «Комментарии к трактату Боэция «Против Евтихия и Нестория» под «концептом» Г. Порретанский понимает «движение души», направленное на схватывание «или того, что есть, или того, чего нет», то есть на постижения смысла высказанного. «Но любой концепт небытия называется предположением, чем является, напри-

мер, двухтелесный Кентавр или трехтелесная Химера» [5, с. 15]. Таким образом, при «схватывании» того, «чего нет», концептом будет «предположение». Естественное (природное) схватывание вещи происходит только через ее причину, то есть идею, например, белое – через белизну, а белизна – по природе произведение белого. «Ведь ничто из природного не может восприниматься иначе, как через причину, и ничто из математического – иначе, как через силу результата» [5, с. 15].

Г. Порретанский вводит понятия, характеризующие всякую вещь, а именно *quod est* – вещь такова, «какой она является», или «что она есть» (то есть свойство вещи, ее качественные характеристики, которые отличают ее от другой вещи). *Quo est* – «этость» вещи, что свидетельствует именно об ее реальности, поскольку «это» существует. «То, каковой является вещь» (*quod est*), Г. Порретанский называет субсистирующим (*subsistens*), то есть находящимся сейчас, на миг задерживающимся (в сознании человека в момент познания вещи), а «то, благодаря чему вещь такова» (*quo est*), – субсистенцией. Субсистирующее обнаруживает реальность своих субсистенций» [6, с. 22].

Сингулярность ученый определяет как необходимый вывод из образующейся с помощью *quo est* возможности для реальности вещи (*quod est*), поскольку он полагает, что «любое бытие есть одно по числу» и что «некое бытие сингулярно» [6, с. 24]. Каждое *quo est* сингулярно и представляет численно одну «естественную конкретию». Рациональность, например, не только создает нечто рациональное, но и одну разумную вещь, поскольку сама она – одна. Эта теория призвана объяснить возможность интеллектуального расщепления некоего конкретного целого для обнаружения самой возможности его существования – идеи, которая обнаруживается созидательной работой разума. Не объясняя механизма сращения, или концептуализации вещи, философ утверждает, что механизм этого сращения существует и что именно он ведет к образованию концептов.

Для концепции Г. Порретанского чрезвычайно важна сама постановка вопроса о соотношении целого и части. В основании его рассуждений лежит постулат: целое больше части. Человек, к примеру, состоит из души и тела, которые суть части по отношению к целому человека, цвет – это акциденция его тела, а знание – акциденция его души. Потому высказывания «человек обладает знанием» и «его душа обладает знанием» в узусе языка тождественны [6, с. 26–27].

Именно введение идеи сингулярности обуславливает двойственную природу не только Христа, но и человека как такового. В том смысле, в каком человек – уникальное единичное бытие, он индивидуален. В том смысле, в каком он – универсальное бытие, он сингулярен, он состоит из бесконечного множества составляющих его статусов, которые сходятся к некоему порождающему его ядру *quo est*. Идея сингулярности, по мнению С.С. Неретиной, помогает иначе понять дискуссии между концептуальным, реальным и номинальным: обе последние линии обнаруживаются как предельные состояния концептуального [6, с. 27].

Одним из первых представителей средневековой философской мысли, который, по нашему мнению, говорил о концепте, не называя его, был Боэций. В «Комментариях к Порфирию» он говорит о смысле вещи, который «постигается рассуждением разума, тем самым делая это понятным». Согласно Боэцию только челове-

ческий род может уяснить смысл, так как только человек наделен «тремя силами души»: роста, ощущения и разума. «Она (сила) способна не только воспринимать совершенные и упорядоченные чувственные образы; все образы, накопленные воображением (*imaginatio*), она разъясняет и определяет с помощью действий разума (*intelligentia*) <...> в воображении она может составить себе понятие о том, что воспринимает в данный момент, и том, что вообще недоступно чувствам, и дать этим образам имена» [2, с. 23].

С точки зрения С.С. Неретиной, смысл более чем что-либо другое свидетельствует о «нечто», поскольку он не «виден» ни в теле вещи, ни в высказывании вещи, но оставляет следы и в теле, и в высказывании, что и позволяет его выявлять в общении с вещью и относительно вещи. Он – «то, не знаю что», сам по себе парадокс: ни слово, ни плоть, ни чувственное представление, но он может быть рационально выражен при вопрос-ответной речевой ситуации как нечто, *aliquid*. Смысл предположен всеми основаниями средневековья, он может быть смыслом только как соумысел, то есть при личностном схватывании, без которого он не нечто, *aliquid*, а ничто. Именно с личностным пониманием смысла связана идея двусмысленности, эквивокации, так как само понятие смысла связано с удвоением [6, с. 19].

Теория сингулярности Г. Порретанского противоречит термину «двусмысленность», или «эквивокация», которые введены в научный обиход Боэцием.

В «Комментариях к Порфирию», анализируя родовидовые отношения, он заметил, что именем «род» может называться вещь, которая в одном смысле является родом, в другом смысле – видом. «Так, например, из единичных людей, непохожих друг на друга, мы выделяем то, что делает их похожими – человеческое (*humanitas*); и эта черта сходства, помысленная и истинным образом рассмотренная духом, становится видом; в свою очередь рассмотрение сходства различных видов, которое не может существовать нигде, кроме как в самих видах или в составляющих их индивидах, производит род. Таким образом, они (то есть роды и виды чувственного) существуют именно в единичных вещах (*in singularibus*)» [2, с. 30].

Итак, роды, виды и прочие существуют (*subsistunt*) в области чувственного, мыслятся помимо тел; при этом не исключено, что две вещи в одном и том же подлежащем различаются по смыслу, как, например, выгнутая (*curva*) и вогнутая (*cava*) линии: они задаются (*terminentur*) разными определениями, мыслятся по-разному, но в то же время находятся всегда в одном и том же подлежащем; одна и та же линия является и выгнутой, и вогнутой. Точно так же обстоит дело и с родами и видами, то есть единичность и общность (*singularitas et universalitas*) имеют одно подлежащее, но иначе мыслятся общее, иначе ощущается единичное в тех вещах, в которых имеют они своё бытие» [2, с. 31].

Боэций хотел показать, что есть слова, разные по смыслу, но одинаково звучащие, что разные смыслы одного и того же слова исчезают при определении, при этом воздействуя друг на друга, позволяя логическое прочесть как метафорическое [6, с. 19]. Кстати, понятие «двусмысленность», или «эквивокации», далее развивает в своих работах П. Абеляр.

Понятие двусмысленности (эквивокации) П. Абеляр впервые ввел в «Диалектике» как смысловую характеристику. Внешняя форма речи может быть

двуосмысленной для рассудка, который может вывести правильное или ложное ее понимание в зависимости от способов толкования той или иной ситуации разными людьми. Также речь двуосмысленная, по Абельяру, не только во внешних формах, она и внутри себя осуществляет «совмещение статусов», например, Сократ – это и человек, и имя, и разумное животное, и каменщик, то есть многосмысленность, объемность оказываются важнейшими характеристиками речи.

Таким образом, если высказывание многосмысленно, значит, каждый может толковать этот смысл по-своему, поэтому высказывание многоголосое. Это многоголосие составляет «хор», который в душе человека-слушателя преобразуется в один смысл о высказанном. Но высказывания состоят из предложений, которые также должны быть понятны. «Следовательно, – пишет П. Абельяр, – когда мы говорим, что произнесенная речь обозначает нечто, то мы не хотим, чтобы это было понято так, будто мы приписываем тому, чего нет, некую форму, которую мы называем значением, но скорее понятие, извлеченное из произнесенной речи, мы воспринимаем как концепт в душе слушателя» [7, с. 175].

П. Абельяр сделал, наверное, наиболее весомый вклад в разработку идеи концепта. Термин «концепт» был введен им при анализе речи и стал решением проблемы универсалий. Концепт, по Абельяру, понимается как «...производное возвышенного духа («душа слушателя приподнята») или ума, куда рассудок включается как часть ума, способного творчески воспроизводить (собирать, *conspicere*) смыслы и помыслы как универсальные слова, как общее». Впервые о концепте упоминается в «Диалектике», но и в «Логике» он говорит о концепте, не называя его [8, с. 273–274].

Основные моменты смысла термина «концепт» у П. Абельяра связаны со словом «схватывание» (*consercio*), примененным для обозначения одномоментного, точечного, объединяющего соединения – созерцания в душе того, что дано как разное, единичное, многообразное, отдельное. Термин «концепт» применен П. Абельяром для высказывания, речи, развернутой во времени, которая в душе «схвачена», стянута в некоторый единый смысл – результат.

Ссылаясь на П. Абельяра, С.С. Неретина выделяет некоторые характерные свойства концепта: «1) концепт формируется речью; 2) осуществляется «по ту сторону» грамматики – в пространстве человеческой души с ее ритмами, энергией, внутренней жестикюляцией, интонацией; 3) концепт предельно субъективен; 4) ему, кроме того, мало изменения души индивида, размышляющего о вещи, он непременно предполагается при формировании другого субъекта – слушателя или читателя; 5) смысл обнаруживается в ответах на вопросы слушателя, что и рождает диспут, который актуализирует смыслы; 6) память и воображение являются неотторжимыми свойствами концепта, направленного на понимание здесь и теперь, в едином миге настоящего, с одной стороны, а с другой – концепт синтезирует в себе три способности души и как акт памяти ориентирован в прошлое, как акт воображения – в будущее, а как акт суждения – в настоящее» [7, с. 143].

Иное понимание концепта заложено уже в трактатах «О граде Божьем» и «О диалектике» А. Блаженного. В его трактате «О диалектике» 397 г. косвенно упоминается о концепте: он разграничивает предмет, мысль о предмете (переживаемый смысл) и языковое выражение этой мысли: «В слове есть все, что воспри-

нимается разумом, а не слухом, и то, что разум хранит в себе, называется *dicibile*, выражаемое. Когда же слово сходит с уст не ради самого себя, а чтобы означать нечто иное, оно называется *dictio*, выражение» [9, с. 28].

У Ф. Аквинского концепт – универсалия, которая «превыше всяких определений»; она связана с самопознанием мудрости, постигающей Бога. Концепты используются у него для доказательства бытия Бога (производящая причина, движение, возможность и необходимость, порядок природы и т. д.) [8, с. 273–274].

Д. Скот понимает концепт как «мыслимое сущее», которому присуща «это-вость», понятая как внутренний принцип вещи, выражающий само ее бытие, сущность и существование вещи.

Для У. Оккама концепт существует как интенция в душе; она является единичной интенцией (направленность ума на единичное), предназначенной для высказывания о множестве. Концепт выражен в речи, которая состоит из знаков. У У. Оккама концепт существует и как знак вещей, и как образ мыслей.

Номинализм Д. Скота и У. Оккама заставлял их, по сути, сближать концепт то с именем, знаком предмета, то с понятием как мыслью, образом.

Подводя итог обзору средневековых определений термина «концепт», с нашей точки зрения, следует выделить несколько ключевых характеристик, представляющих интерес для современной философии права:

- 1) в концепте всегда присутствует множественность смыслов-элементов;
- 2) эта множественность «схватывается» одновременно как нечто единое, целое;
- 3) «концепт» всегда коммуникативен, это своего рода и посредник в общении человека с Богом, человека с человеком, и результат этого общения;
- 4) концепт субъективен, причастен к душе, потому имеет индивидуальную окрашенность и вместе с тем обязательно причастен к духовности высшего уровня: Абсолюту, высшим ценностям;
- 5) именно поэтому концепт отличается от понятия: концепт индивидуален и причастен к личной духовности, поднимающей человека над повседневным эмпирическим миром, а понятие нацелено на общечеловеческие смыслы, на общечеловеческую рациональность.

Для развития современной философии права представляется весьма важным учитывать как многообразие смыслов фундаментальных правовых категорий, выступающих в качестве концептов, так и их способность «схватывать» черты всего целого; через отдельные признаки выражать это целое как гармоническое единство – сложное, противоречивое, во многом имплицитное, но единство. Концепт права объединяет сущность и индивидуальное ее проявление, историю и каждую точку исторического процесса, закон как общее правило и индивидуальное применение его в конкретной ситуации и для конкретных людей. Именно этому учету единства противоположностей учат средневековые творцы термина «концепт».

На наш взгляд, концепты права – это видоизмененные концепты культуры, которые приобрели статус категорий и принципов права именно в результате длительного функционирования в сфере реальных правовых отношений. Юристы стали уделять проблеме основополагающих принципов права большое внимание, выделяя при этом концепты права, на смыслах которых основаны такие принципы: справед-

ливость, равенство, свобода, гуманизм, социальный порядок, права человека, защищенность, суверенитет как личности, так и государства и т. д. С.П. Погребняк отмечает, что «современный уровень разработки данной проблемы не отвечает потребностям юридической теории и практики» [10, с. 4]. Это подтверждает актуальность исследуемой проблемы и необходимость ее дальнейшего исследования.

Литература

1. Сумарокова Л.Н. Справедливость как концепт культуры и права / Л.Н. Сумарокова // Актуальні проблеми філософії права. Аксіосфера права та держави : матеріали міжнародного круглого столу / за ред. Ю.М. Оборотова. – О. : Фенікс, 2013. – 174 с.
2. Боэций. Комментарий к Порфирию / Боэций // Боэций. Утешение философией и другие трактаты / Боэций ; переводчики : В.И. Уколова, М.Н. Цейтлин, Т.Ю. Бородай, Г.Г. Майоров. – М. : Наука, 1990. – 415 с.
3. Алефиренко Н.Ф. Лингвокультурология. Ценностно-смысловое пространство языка : [учебное пособие] / Н.Ф. Алефиренко. – М. : Флинта ; Наука, 2010. – 288 с.
4. Губин В.Д. Философия / В.Д. Губин [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.gumfak.ru/filos_html/gubin/gub04.shtml.
5. Порретанский Г. Комментарий к трактату Боэция «Против Евтихия и Нестория» / Г. Порретанский [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://nast-shulgina.narod2.ru/ID_15_48_00.htm.
6. Неретина С.С. Тропы и концепты / С.С. Неретина. – М. : РАН, 1999. – 278 с.
7. Неретина С.С. Абельяр и Петрарка: пути самопознания личности. Фрагмент из «Диалектики» / С.С. Неретина // Вопросы философии. – 1992. – № 3. – С. 57–65.
8. Неретина С.С. Верующий разум. К истории средневековой философии / С.С. Неретина. – Архангельск : Изд. Приморского педагогического ун-та, 2003. – 368 с.
9. Тодоров Ц. Теория символа / Ц. Тодоров. – М. : Дом интеллектуальной книги, 1999. – 408 с.
10. Погребняк С.П. Основоположні принципи права (змістовна характеристика) : [монографія] / С.П. Погребняк. – Х. : Право, 2008. – 240 с.

Аннотация

Калмазан А. В. Средневековые смыслы термина «концепт» и современная философия права. – Статья.

В статье рассматривается история формирования смыслов термина «концепт» в философских трудах Боэция, П. Абельяра, Г. Порретанского, Д. Скотта, У. Оккама. В богатом спектре этих смыслов в качестве наиболее важных для современной философии права автор выделяет множественность смыслов-элементов концепта; «схватывание» этого множества как целостности; коммуникативность: концепт и инструмент, и результат коммуникации; концепт индивидуально окрашен и причастен к жизни души личности; концепт в то же время соотносится с уровнем высшей духовности: Богом, Абсолютом, высшими ценностями.

Ключевые слова: концепт, смысл, понятие, коммуникативность, духовность.

Анотація

Калмазан А. В. Середньовічні смисли терміну «концепт» та сучасна філософія права. – Стаття.

У статті розглядається історія формування смислів терміну «концепт» у філософських працях Боєція, П. Абельяра, Г. Порретанського, Д. Скотта, У. Оккама. У широкому спектрі цих смислів як найбільш важливі для сучасної філософії права автор виділяє множинність смислів-елементів концепту; «схоплювання» цієї множини як цілісності; комунікативність: концепт і інструмент, і результат комунікації; концепт індивідуально забарвлений і причетний до життя душі особистості; концепт водночас співвіднесений із рівнем вищої духовності: Богом, Абсолютом, вищими цінностями.

Ключові слова: концепт, смисл, поняття, комунікативність, духовність.

Summary

Kalmazan A. V. The medieval sense of the term “concept” and the modern philosophy of law. – Article.

The history of the meaning formation of the term “concept” in works of Boets, P. Abelyar, G. Poretanskiy, D. Scott, U. Okkama is considered in the article. In the range of these meanings the author singles out the multiplicity of the meaning-elements of the concept as the most important feature in the law philosophy; “combining” this multiplicity as the integrity; communicativeness: the concept and the tool, and the result of communication; the concept is tinged individually and is involved in the life on personality’s soul; at the same time the concept is correlated with the highest level of spirituality: God, the Absolute, highest values.

Key words: concept, meaning, term, communicativeness, spirituality.